

„Веч. Ленинград“
23 апр. 1968г.

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

ВЕСЕЛО, ЖИЗНЕРАДОСТНО

НАШЕ первое свидание с Будапештским театром оперетты произошло тринадцать лет назад.

В памяти сохранился искрящийся задором, молодой иронией, полный динамики и подлинной танцевальности спектакль «Сильва». От Кальмана там осталась его музыка. А пьеса оказалась новой. В ней Сильва былых времен с доброй и лукавой усмешкой взирала на молодую поросль актеров и актрис, которым, как когда-то ей, ныне доводилось стяжать славу и жить в полную меру чувств. А ведь когда-то... Ханна Хонти и Камил Фелекс с блеском показали нам, что было «когда-то». Мы запомнили и навсегда полюбили за-

мечательную венгерскую артистку Хонти и ее партнеров, выдающихся мастеров трудного «легкого» искусства — Фелеки, Кальмана Лаабара, Роберта Ратони, даровитый коллектив будапештских актеров.

И вот новая встреча.

На сей раз венгерские гости привезли нам не Кальмана, а Иоганна Штрауса. «Ночь в Венеции» — одно из наиболее значительных произведений короля венского вальса. Оно, правда, уступает по граничности сплава всех своих элементов такому удивительному созданию Штрауса, как «Летучая мышь». Но среди 16 оперетт, написанных им, «Ночь в Венеции» остается неувядающей и по сей день. Интересно отметить: первое исполнение этой оперетты, состоявшееся в Берлине в 1883 году, привело к провалу. Публика оказалась равнодушной к итальянскому колориту вещи. Она ждала от автора «Летучей мыши» — Веня, а ей преподнесли Венецию. Так случается нередко. Последующая судьба этого произведения доказала, что неудача в Берлине, остро анившая композитора, была лишь случайностью: вынесенный тогда разговор был отменен в последующие времена. И вспоминается, в частности, большой успех «Ночи в Венеции» в Ленинграде, в начале двадцатых годов. Он был закономерен.

Венские опереточные композиторы нередко обращались к народной музыке Италии. Так было с Боккаччо Ф. Зуппе, так было и с Штраусом, помню «Ночи в Венеции», написавшим оперетту Карнавал в Риме». Композиторы эти широко вводили в свои произведения, наряду с венским вальсом и танцевальными формами востри, также и песенно-танцевальные формы Венгрии, соседних славянских народов и итальянцев.

В «Ночи в Венеции» итальянский элорит сливается с венским вальсом. Это сочетание создает на редкость привлекательную особенность произведения, где в финале первого акта словно поет южная весенняя ночь, пропитанная ароматом

моря, где торжественно возглашается романтика чувств, где парит любовная тайна, не боящаяся преград. Вальс «Лагуны», проходящая лейтмотивом песни гондольера, народные танцы, нарядные карнавальные сцены, дуэты и ансамбли, исполненные жаркого чувства или кокетливой любовной игры, — все это сплетает «Вену» с «Венецией». В подобном сплавле —

драматургии оперетты Штрауса.

Либретто ныне несколько изменилось (авторы нового текста Маргит Кашпар и Карой Криштоф). Оно сохранило прежнюю вязь прихотливой фабулы. Но буффонные черты событий усилены, любовная игра и путаница приобрели большую, чем прежде, выпуклость. Не все в новом тексте кажется мне улучшением старого (в частности, думается, излишней и навязчивой является тема лотереи, права на которую добивается предпримчивый сенатор Делакава). Но многое здесь исправляет недостатки пьесы Целля и Жене, из-за которых «Ночь в Венеции» страдала в сценических воплощениях.

Старый муж сенатор Делакава, заслуженно надевавший в конце спектакля «венес» рогоносца, его молодая, влюбленная в другого жена, ее подруга — рыбацка Анна, ее служанка Чиболетта, искатель приключений — герцог, цирюльник Карамелло, макаронщик Паппакода — все эти персонажи втянуты в суматоху и неразбериху карнавальных приключений. В основе их — любовь и ревность, по-разному оборачивающаяся для каждого из них.

Веселые похождения в карнавальной ночь — так может быть определена сущность спектакля, поставленного режиссером Иштваном Казаном и художником Иштваном Кёпечи Боц. Изящное оформление не ставит перед собой прямой задачи воссоздания облика Венеции — образ города проходит перед нами как бы намеком, на далеком фоне. Задача скорее заключена в том, чтобы ввести нас в мир шуток и розыгрышей, где все основано на игре, мистификациях и «чудесах». Поэтому во втором акте мы проникаем в «волшебную» комнату дворца герцога, где вспыхивают сами по себе бенгальские огни, светятся стены, сами собой открываются и замигают завидные двери. Здесь интрига сводит всех героев — и путаницы чувств и событий подучают наивысшее выражение.

Спектакль динамичен, по-южному темпераментен. В нем теат-

ральные условности (например, введение комментатора-переводчика, появление танцовщиц как сопровождающих лиц) значат больше, чем цель показать достоверную Венецию, живой народ на рынке или на карнавале. Основной акцент — на главных персонажах. Интрига вьется непрерывно, ей, кажется, нет конца. Женщины меняют свои обличья и имена. Ры-

бацка выдает себя за супругу сенатора, а в то же время под видом сенаторской жены появляется служанка. Обманут не только старый сенатор (который сам не прочь поволочиться за хорошенькими девушками, появляющимися в «волшебной» комнате), от цепи мистификаций идут головы кругом и у влюбленного в рыбацку цирюльника, и у жениха служанки — макаронщика. А более всех обманут герцог, рассчитывавший на легкую победу над Барбарой. Мужчины затеяли интригу — женщины разыграли ее. И, конечно, в свою пользу. Так случается всегда.

В остром ритме движется спектакль, в котором одно сценическое положение сменяется другим, а вязь быстрых и напористых диалогов прерывается музыкальными сценами, где декларируются подлинные и мнимые чувства.

Сенатора Делакава играет замечательный мастер оперетты Камил Фелеки, наш давний знакомец. Новая встреча с ним — истинная радость. Фелеки демонстрирует классическое искусство опереточной буффонады, отмеченное не только чувством смешного, но и той жесточайшей мерой, которая присуща подлинному артисту. Его Делакава и условен, и вполне достоверен. Актер верит в «предлагаемые

обстоятельства» — он не «играет буффонаду», а живет в ней, исходя из заданного характера своего героя. В этом и состоит трудное «легкое» искусство оперетты.

Вокруг него — молодые персонажи. Своеобразный Фигаро «Ночи в Венеции» — цирюльник Карамелло (Дюла Освальд), очень убедительный, по-народному характерный макаронщик с рынка (Лас-

ло Хадич), темпераментная, тоже из гуцы народа вышедшая рыбацка (Юдит Галлаи), сметливая, напористая служанка (Анна Зентаи), неустрашимая в своей любовной интриге Барбара (Илона Киш) — все они создают тот клубок противоречивых, несхожих характеров, которые в веселых столкновениях и рождают атмосферу карнавальной ночи.

Дирижер Томаш Броди тактично и уверенно ведет музыкальную линию спектакля. Но подчас увлечение режиссуры игровыми положениями уводит в тень прекрасную музыку Штрауса. Это, в частности, почувствовалось в финале первого акта, где хотелось бы ощутить больше поэзии и романтики, чтобы все отступило на второй план перед роскошной партитурой, в которой раскрывается образ венецианской ночи.

НОВАЯ встреча для нас очень интересна. Нам есть что посмотреть и послушать, нам есть чему поучиться у венгерских друзей: они сыграли и спели Штрауса в лучших традициях опереточного жанра.

М. ЯНКОВСКИЙ

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Ночь в Венеции».
Фото З. БАЙЦУРОВОЙ
(ЛенТАСС)

